

ВИНТОР НОВРИЖНЫХ
Родился в 1952 году в поселке Старобачаты Беловского района Немеровской области. Поэт. Печатался в газетах «Нузбасс», «Номсомолец Нузбасса», «Нузнецкий край», «Знамя коммунизма», «Беловская нива», «Смена», «Огни Нузбасса», «Истони». Участвовал в сборниках «Мы — Притомье», «Хлеб военной поры», «Пять стихотворений о любви», «На родине моей выпали снега», «Площадь Пушкина», «Собор стихов». Книжки: «Я, наверно, родился не зря...» (1990), «Непонятно, куда мы спешим» (1995), «Зеленая дудна» (1997), «Тоновинская дорога» (2004) «Избранное время» (2011). Член Союза писателей России. Живет в г. Белово.

АВЕ МАРИЯ

В этом доме когда-то я в детстве бывал.
Там картина над спинкой дивана,
в темных плюшевых шторах изысканный зал,
в зале – книги и фортепиано.
Там сирень ароматом дышала в окно.
Был тот мир мне совсем незнакомым.
Мне казалось, там люди пришли из кино
вместе с садом, сиренью и домом.
Там вечерней порой пили чай при свечах
под нерусские песни с пластинок.
Говорили о Шуберте и флюгерах,
о строительстве и Метерлинке.
Там красивая женщина, как ее звать –
я не помню... Лишь помню, как мило
улыбаясь, давала мне книги читать
и со мною на «вы» говорила.
И на фортепиано играла она!
Колыхались на клавишах руки.
Рассыпалась на тысячи звезд тишина,
звездам плакались нежные звуки...
Мне казалось, я сплю и летаю во сне,
сердце сладкой сводило истомой...
«Это “Аве Мария”», – ответили мне
благородные жители дома.
В этот дом я когда-то как в храм приходил,
за дверьми оставляя ботинки.
И я женщину эту наивно любил
вместе с Шубертом и Метерлинком.
Эти звуки и свечи, мерцанье огней
в моем сердце так странно плескалось.
И что было высокого в жизни моей,
с этой музыкой соприкасалось.
Они вскоре уехали строить мосты
на Восток. В дом вселились другие.
И я долго пытался в них видеть черты
от неведомой Аве Марии...

СТАРАЯ КУЗНИЦА

Копоть и сажа погасших огней,
вход занавесил подрост тальниковый.
Не оседлать здесь воскресших коней –
ржой изошли стремяна и подковы.
Звон наковальни полынью сокрыт,
зябко несет из дверей пустоту,
так просветленной прохладой сквозит,
будто под кузней колодец с водою.
Льются протяжно сквозь щели лучи
цветом вечерней щемящей печали,
словно наивного счастья ключи,
счастья, которое не доковали.
Полуистлевшие спицы колес,
мохом покрыты венцы и стропила.
Ветхую крышу прошила насквозь
жгучим дремучим побегом крапива.
В полночь, под лай деревенских собак,
скорбная тень кузнеца оживает,
тяжко вздыхает и курит табак,
золу в остывшем горне разжигает.
Глухо меха проворчат, и огни
вспыхнут на время и снова погаснут,
словно хотел озарить наши дни,
но убедился, что это напрасно...

* * *

Тихий ветер вечернего поля,
на душе так светло и легко –
братья: Гена, Сережа и Коля –
мимо дома идут моего.
Вот прошли палисадники улиц,
вот проходят речной пережат.
Вот на холм поднялись. Оглянулись,
помахали рукой, улыбнулись
и ушли в невозвратный закат...
Есть, наверное, память иная,
что живет над селеньем любым.
И чего мое сердце не знает,
языком объясняет своим:
ветром с поля, и шелестом листьев,
и виденьем за ветхой избой
с голосами далеких и близких,
что когда-то здесь жили с тобой.
Всхлипнет ветер, как птица в тумане,
и возникнет, что было, в былом:
вяжет мама носки на диване,
чинит лампу отец за столом...

ТАМ, В НАРОДНОЙ ГЛУШИ...

Подпоясаны дни то вожжой, то тесьмой.
Живы хлебом и небом разлук.
Деревянными буквами пишут письмо
В министерство почетных наук:
Как построить за баней Егора сельмаг,
Институт благородных колес,
Чтоб прислали на почту казенных бумаг,
Чтоб земную помазали ось.
Дескать, время скрипит, будто ржавый засов,
Отстает от метро и ракет, –
Длится день двадцать семь с половиной часов,
Ночь? – единого мнения нет.
Непонятного свойства часы и труды.
То ль ночуют кудесники тут? –
На неделе семь пятниц, четыре среды,
Дни другие – в сарае живут.
Из дремучих подворий, бурьянов глухих
Бесполезный айфон голосит.
И колхозное знамя побед трудовых
Над избой комбайнера висит...

Там за Лысой горой – царство вечных болот,
Где по воле небесных огней
Истребительских войск утонул самолет
И поэт евразийских кровей.

А за взгорком – простор! Свет как счастье высок,
В синеве соловейки полет.
Берендеевым солнцем пронизан лесок,
И душа пасторали поет!
Выйдет в поле старик, ветхой жизни жилец,
И взглянется в сияющий зной.
Так глядит далеко, словно видит дворец,
Где Господь проживает с семьей.
В остальном, как и всюду: изба, огород
И следы заплутавших колес.
На кривое крыльцо выйдет в валенках кот,
Спросит вежливо: «Рыбу принес?»
Голосистый петух известит в лопухах
Об итогах хозяйских забот.
Электронное время придет в сапогах,
Постоит... И обратно уйдет.

Там, в народной глуши, бродит хмелем трава,
Облака серебрятся вдали.
Там для песни полезной сыскали слова,
только музыку к ним не нашли.
Там закатных коней стерегут до сих пор
На зеленом в ромашках лугу...
Я б срубил там избу или даже собор,
Да топор подобрать не могу...